

Диана Вишнева танцует Дж. Балanchина.

Заварились долгожданные гастроли в Москве петербургской труппы на сцене Большого театра, который в те же две февральские недели гостил на берегах Невы. Турне было приурочено к празднованию 850-летия столицы и поддержано мэрами Ю. Лужковым и В. Яковлевым. 22 сезона москвичи довольствовались добрыми вестями из телевизионной "царской ложи" — ведь последний визит "кировцев" (как по укоренившейся в мире и в советские времена привычке мы называли легендарный коллектив) состоялся в 1976-м и был связан с 200-летием Большого. Два старейших театра были объединены дирекцией и монополией императора, что являло исключительный феномен в мировой практике стабильного репертуарного театра, обеспечивавшего непрерывность традиции и преемственность трупп и хореографических училищ. Это привело к сотворению русской школы танца, воссоединившей достоинства европейских опытов и помеченной редкостным своеобразием.

"Дон Кихот" поддерживает мою мысль о "хореографическом Эрмитаже": действительно, в Марининском собрании и культивируется уникальная коллекция — от истоков западноевропейского романтизма и русского и советского классицизма до шедевров американских хореографов XX века, причем имя одного из них — Дж. Балanchина — опять-таки связано с русской культурой, ибо Г. Балanchинавдзе был воспитанником петроградских балетной школы и консерватории. Неповторимый в избранном значении, "музейный" репертуар на стационаре и московской гастрольной афише выделяет Марининский. Он неизменно

блюдет, вопреки новомодным эстетическим критериям шоу-бизнеса и системе "звезд", репутацию национального достояния, консерватории русского и мирового балета. Напомним афишу шедевров: стариннейшая "Жизель", которую сохранили в Венеции Севера и которую вернула Европе антреприза С. Дягилева "Русские сезоны" в 1910-м; "Баядерка" М. Пети, идущая непрерывно с 1877-го; "Шопениана" М. Фокина с 1907-го; родившиеся именно на петербургских подмостках или удавшиеся именно в Петербурге Гран па из "Пахиты" или Па де де из "Корсара"...

Гастрольная афиша напоминает о давней традиции единения Москвы

и Петербурга. Москвич-реформатор А. Горский, воспитанник петербургской Театральной школы, вослед всевластному творцу Северной Пальмиры М. Пети, в 1869 году впервые поставившему обожаемый в течение более века "Дон Кихот", в 1901-м сначала в Петербурге и далее в первопрестольной творчески переработал спектакль. И именно эта редакция уцелела в "Марининке", в родных же пенатах, в Большом, увы, многократно переделывалась. Сегодня "Дон Кихот" с неизбежными купорами и ретушью прошел в декорациях и костюмах москвича К. Коровина и петербуржца А. Головина, истинно музейных сокровищах, и с двумя составами: Д. Вишнева-Ф. Рузиматова и И. Ниорадзе и И. Зеленский. Оба представления обернулись истинным пиришеством. В первом, быть может, ярче сочетались ликующий и солнечный дар Д. Вишневой и стильное мастерство Ф. Рузиматова, в другом преобладала виртуозность до дерзости — увы, не всегда обогащенная артистизмом, индивидуальностью интерпретаций.

"Баядерка" также снискала огромный успех, и не только в силу пьютета к поистине антиварварному декору и мизансценам. Она была показана в двух составах. "Родное дитя", родившееся 120 лет тому назад, сохраняет неуязвимые приметы классического петербургского стиля с фейерверком больших и малых инструментальных и характерных ансамблей, в которых особую роль играет женский кордебалет (в знаменитом акте "Таней"). Здесь проявилась высокая преемственность, клановость: стоит напомнить о, казалось бы, случайном имени юного артиста Н. Зубковского, покорившего зал страстным и безудерж-

но виртуозным и волевой танец и в "Баядерке", и в "Дон Кихоте". Примиряет с такой манерой, разрушающей удоджественную целостность спектаклей, лишь надежность его аккомпанемента "божественной" У. Лопаткиной, главной героине нынешних гастролей. Ее Никия воскрешает самые пленительные легенды о властительницах сцены прошлого, и прежде всего об Анне Павловой и Марине Семеновой. Ульяна по праву воскрешает амплуа героини лирической трагедии, пленяет израненной и недоступной жертвенностью и неподдельными чувствами.

"Соперница" Лопаткиной — балерина Ю. Махалина снискала большой успех в той же "Баядерке" и одарила зрителей трагедией страсти, трагедией красоты. Она поистине была менадой... Разделяю намерения Марининского и прима-балерины Лопаткиной освоить как можно более широкий диапазон ролей; знаю, сколь успешным был дебют в партии Заремы, — ведь только высокий артистический дар способен оживить этот эстетически архаичный спектакль. "Бахчисарайский фонтан" с "ученой" музыкой Б. Асафьева, искуснейшее срежиссированный Захаровым еще в 1934 году, есть законченный образец балетных пьес, с образцовой сценографией и костюмами В. Хадасевич. Он овеян легендами о великих актерах — Г. Улановой, Т. Вечесоловой, М. Плисецкой, К. Сергеева, С. Корене... В Москве, увы, мы не увидели Заремы-Лопаткиной...

Два представления "Жизели", этого абсолютного романтизма, принесли неслыханный успех. В первом составе были А. Асылмуратова и Ф. Рузиматов

— истинные мастера, берегущие самые высокие каноны танцевального и артистического мастерства. Асылмуратова следует традиции толкования заглавной партии восходящей к самой Т. Карсавиной (драма разбитого наивного девичьего сердца), а Рузиматов — шекспировской строке: "любовь ничтожна, если есть ей мера..." В другом составе — московский дебют юной С. Захаровой, обладавшей нас, особенно во втором акте, что в марининской труппе есть солистка с уникальными данными, которая грядет на смену глубокой актрисе и удивительно тонкой танцовщице Асылмуратовой...

Ульяна Лопаткина — Одялдия.

Высочайшие петербургские традиции прямо или опосредованно, по эстафете поколений передаются новым плеядам балерин: танец-песня Г. Улановой — У. Лопаткиной, танец-гимн М. Семеновой — Ю. Махалиной, танец-откровение А. Шелест — А. Асылмуратовой, танец-фейерверк Н. Дудинской — Д. Вишневой, при том, что не всегда, быть может, совпадает репертуар. Какими неисповедимыми тропами передаются новым поколениям предания о трагической музе О. Спесивцевой, красоте линий А. Осипенко и И. Зубковской, женское очарование героинь О. Моисеевой, мастерство и стиль Г. Комлевой, "императорская" поступь О. Ченчиковой, абсолютное владение жестом и позой Г. Селюцкого, преданность танцу Н. Кургапкиной? Правда, большинство из кумиров недавнего прошлого сегодня наставники дебютантов...

О глубоко влиянии русской хореографической культуры "пел" венчавший гастроль вечер американской хореографии. "Шотландская симфония" Ф. Мендельсона — Дж. Балanchина насквозь укоренена в петербургских традициях инструментального танца и живописует в почти абстрактном сюжете грезу о "Сильфиде": готовится свадебная церемония, расцветившая, как у М. Пети, национальными приметами; в большом смешанном ансамбле звонкой нотой звучит задорный голос девочки, вступающей, подобно маленькому курсору в старинном "Корсаре", в переплест шаферов, готовящих пир новобрачным.

Одноактное сочинение Дж. Роббинса "В ночи" на nocturny Ф. Шопена дало зрителям миг сосредоточенного предвкушения ликующего празднист-

ва: три пары возлюбленных (Д. Вишнева — К. Заклинский, С. Гумерова — Е. Иванченко, Ю. Махалина — И. Кузнецов) напоминают нам о трагических и светлых перипетиях жизни польского гения, сладких и горестных откровениях любовного томления, нетерпения, равности, обретений и утрат...

Это ошеломительное гала — и все гастроль — венчал шедевр Дж. Балanchина "Симфония до мажор Жоржа Бизе" (по первоначальному названию — "Хрустальный дворец"). У. Лопаткина, Д. Вишнева, И. Ниорадзе, Ж. Аюпова и их партнеры В. Баранов, Е. Иванченко, В. Самодуров, В. Щарбаков, ансамбль солистов и корифеев, мужской и женский кордебалет словно воссоздали ликование бесконечных каскадов Петергофа, расстреливских анфилад Царского Села и зеркал гатчинских озер — тем более ошеломительных в заснеженной Москве.

На этой сияющей ноте, заглушенной громом нескончаемых аллодисментов, завершились гастроль академии русского классического балета. Блеск "божественных" балерин оставил в скромной тени кавалеров — уж не по истонкой ли петербургской традиции? Или это мы слишком нетерпеливо жаждали совершенства, а потому несколько разочаровались во многих мужских соло и характерных танцах?

Марининский балет принес всем радость, подтвердив, что сиюминутные издержки моды тленны в сравнении с выверенными в веках традициями. Труппа награждена золотой медалью Дома-музея Дягилева в Перми. Тавр в движении бережно хранит заветы и остается в нашей благодарной памяти хореографический Эрмитаж, в котором каждый волен предпочесть зал Рембрандта, либо галерею импрессионистов, либо малых голландцев.

Вадим КИСЕЛЕВ.